
Андрей Курганов
Память воды

Андрей Курганов

Память воды

«Автор»
2026

Курганов А.

Память воды / А. Курганов — «Автор», 2026

В городе вечного заката нет теней. Над ним возвышается Серый Слон, покрытый чернильными ранами, а Рен — картограф печали — каждый день рисует, как болезнь пожирает его шкуру. Когда учитель Рена умирает, оставив загадочное послание, Рен отправляется в Колючий лес — к Художнику, который однажды коснулся Слона кистью. С ним идёт еретичка Айя, уверенная, что Слон — тюрьма. Но правда о творчестве, памяти и надежде окажется тяжелее, чем они думали.

© Курганов А., 2026
© Автор, 2026

Андрей Курганов
Память воды

 # ОДИНОКИЙ МАЗОК

Андрей Курганов

Роман о памяти, надежде и цене творчества

ПРОЛОГ. Тот, кто видел слишком много

Я не помню, как меня зовут. Я не помню, откуда я пришёл. Я помню только тяжесть. Она начинается в основании хобота, там, где кожа тоньше всего, и медленно ползёт вниз. Тяжесть — это не боль. Боль я тоже помню, но она была раньше, до тяжести. Боль была острой, как трещина в камне. Тяжесть — тупая. Она не проходит. Она копится. Я стою на краю мира, и подо мной — город. Маленькие существа копошатся внизу: строят, ловят рыбу, ссорятся, мирятся. Они не видят меня. Они видят только мою тень, которая накрывает их улицы. Иногда они поднимают головы и смотрят. Тогда я чувствую их взгляды. Они как капли. Мелкие, частые. Они стекают по моей шкуре и впитываются в тяжесть. Я не знаю, зачем я здесь. Я не знаю, кто меня поставил. Я помню только белизну. Давно. Очень давно. Я был белым, и небо было голубым, и тяжести не было. Потом пришёл человек с кистью. Он был маленький, как все они, но в его руках было что-то другое. Что-то, что текло. Он провёл кистью по моей шкуре, и я почувствовал... облегчение. На мгновение. Потом тяжесть вернулась. И с тех пор она только растёт. Я не виню его. Он не знал, что делает. Он хотел избавиться от своей тяжести, а я был рядом. Я всегда рядом. Я стою здесь так долго, что уже не помню, как это — двигаться. Иногда я чувствую, как что-то внутри меня шевелится. Это не тяжесть. Это что-то другое. Свет. Маленький. Слабый. Он где-то глубоко, под слоями чернил. Он ждёт. Я не знаю, чего. Но он ждёт.

И я жду вместе с ним.

ЧАСТЬ I. ГОРОД НА КРАЮ ТЬМЫ

Глава 1. Картограф печали

Меня зовут Рен, и моё ремесло — рисовать то, что умирает.

Каждое утро я поднимался на вершину горы, который нависал над Аква-Террой, как окаменевшая волна. Гора была скользкая от утренней сырости — в городе редко шли дожди, но по ночам с моря наползал туман, и камни становились холодными и влажными. Я знал каждый выступ, каждую трещину на этом пути.

Перед тем как начать работу, я всегда проверял, на месте ли моё перо. Оно было сделано из кости чайки — тонкой, лёгкой, с заострённым концом. Я носил его в нагрудном кармане, и каждое утро мои пальцы машинально касались его, словно проверяли, что мир ещё стоит на месте. Наверху я расстилал на плоском камне кусок пергамента, который делал сам из рыбьей кожи, и доставал баночку с коричневой тушью — не чёрной, чёрная была запрещена, — и

начинал работать. Город внизу был кривым. Улицы вились, как змеи, выползая из порта и теряясь в переулках. Дома были низкими, с черепичными крышами, покрытыми серой пылью. У причала покачивались рыбацкие лодки. Люди выходили на улицы, здоровались, начинали свой день. Всё, как всегда. Всё как тысячи лет. В Аква-Терре не было теней. Солнце всегда висело в одной точке, и люди ходили, словно приклеенные к земле. Дети играли в игру: «поймай тень». Они бегали за взрослыми и пытались наступить на их тень. Но тени не было. И они смеялись. Странным, пустым смехом. Я тоже смеялся, когда был ребёнком. Потом перестал. Вода в городе отдавала железом. Её привозили с Изумрудного озера, и она текла по старым трубам, которые никто не чинил. Дети морщились, когда пили. Взрослые привыкли. Я тоже привык. Но иногда, когда я рисовал, я представлял, что пью воду без вкуса. Чистую. Как слеза. Но я смотрел не на город. Я смотрел на Него. Серый Слон возвышался над горизонтом, и его тело закрывало половину неба. Он был настолько огромен, что, казалось, удерживал собой этот мир. Его шкура напоминала потрескавшуюся кору древнего дерева, покрытую толстым слоем пепла. В лучах вечного заката она отливала металлическим блеском. Хобот тянулся вправо, к горизонту, словно пытаясь ухватить ускользающий луч. А на боку и на лбу были два белых пятна. «Окна в Ничто», как называли их жрецы. Я знал, что это не глаза. Это раны. Дыры, через которые вытекала его жизнь. И эта жизнь вытекала чернилами. Чёрные потеки покрывали серую шкуру, как трещины покрывают старую стену. Они стекали вниз, к самой земле, оставляя за собой влажные, блестящие следы. «Чернильная болезнь», — так называли это в Аква-Терре. Проклятие нашего мира. Я водил пером по пергаменту, перенося очертания пятен. Это было моё ремесло. Моё проклятие. Я был картографом печали. За эту неделю появилось три новых крупных пятна. Они начинались у основания хобота, там, где кожа была особенно тонкой, и медленно ползли вниз, к персиковым пескам. Скоро они доберутся до воды. Скоро они отравят всё. Я работал, не поднимая головы, пока не услышал шаги. Тяжёлые, с характерным стуком посоха. Я не обернулся. Я узнал этот звук.

— Ты снова здесь, Рен.

Голос был хриплым, надтреснутым, как старая керамика. Старый Смотритель поднимался на гору, опираясь на посох. Его лицо было изрезано морщинами, как персиковая косточка, а глаза были белыми, как мел. Он уже много лет не видел цветов, но утверждал, что видит больше, чем все мы.

— Болезнь прогрессирует, учитель, — ответил я, не отрывая взгляда от работы. — За эту неделю три новых пятна. Они стекают к самой земле. Старик тяжело вздохнул и опустился на камень рядом со мной. Я слышал, как хрустят его колени. Он был стар. Слишком стар для этого мира.

— Ты помнишь, что я говорил тебе в первый день? — спросил он.

— Ты говорил, что картограф должен рисовать не то, что видит, а то, что понимает.

— А ты понимаешь?

Я замолчал. Перо зависло над пергаментом. Я смотрел на Слона, на его чёрные пятна, на его белые раны, и понимал, что не понимаю ничего.

— Нет, — честно ответил я.

Смотритель кивнул. Он не выглядел разочарованным. Он выглядел усталым.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, ты ещё жив.

Он поднялся. Медленно, с трудом. Я хотел помочь ему, но он остановил меня жестом.

«— Я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня», — сказал он. — Когда я уйду, найди в моём столе шкатулку. Ты узнаешь её. Она чёрная, с серой крышкой. Открой её. И возьми то, что внутри.

— Что там?

— Увидишь, — он улыбнулся. Впервые за долгое время. — И ещё одно, Рен. Не смотри на Слона слишком долго. Он это чувствует.

Я не понял, что он имеет в виду. Но кивнул. Смотритель ушёл. Я смотрел, как его серая фигура спускается по тропе, и чувствовал, как холод сжимает моё сердце. Я не знал, что вижу его в последний раз.

Дальше в тот день я не мог работать. Перо не слушалось, линии выходили кривыми. Я спустился в город и пошёл к мастерской — маленькой комнате на окраине, где я жил и работал. По дороге я встретил девочку. Она сидела на камне у сухого фонтана — вода в городе была роскошью, и фонтан пересох много лет назад — и болтала ногами. Её звали Тина. Она была дочерью пекаря, и каждый день приносила мне хлеб в обмен на рисунки. Я рисовал ей птиц, которых она никогда не видела, — настоящих птиц, а не тех тощих чаек, что кружили над портом. Она верила, что они где-то есть. Она давала им имена. Каждой птице — своё имя. ««Это Мора», — говорила она, тыча пальцем в рисунок. — Она летает выше всех. А это Тим. Он боится дождя».

«— Дядя Рен», — сказала она, увидев меня. — А почему у Слона дырки?

Я остановился. Дети всегда задавали вопросы, на которые у меня не было ответов.

«— Это раны», — сказал я. — Он болеет.

— А почему он болеет?

— Потому что мы... — я замолчал. — Потому что так вышло.

— А его можно вылечить?

Я посмотрел на неё. На её круглое лицо, на её светлые волосы, на её глаза, в которых не было страха. Только любопытство.

— Не знаю, — честно ответил я. — Может быть.

«— Тогда вылечи его», — сказала она, словно это было так просто. — Ты же картограф. Ты всё знаешь.

Она убежала, прежде чем я успел ответить. Я стоял у сухого фонтана и смотрел ей вслед. «Вылечи его». Как будто это было так просто.

Вечером я пришёл в мастерскую. Она была маленькой: стол, кровать, полка с пергаментами. На столе лежали мои карты — десятки листов, покрытых рисунками. Я брал их каждый день, фиксируя изменения на шкуре Слона. Теперь я смотрел на них другими глазами. Я разложил листы на полу, пытаясь собрать их в единое целое. Это было похоже на составление мозаики. Пятна на разных листах совпадали, образуя непрерывные линии. Я работал всю ночь, пока передо мной не предстала полная картина. Это была карта. Но не нашего мира. Это была карта чего-то другого. Чего-то, что находилось за пределами Аква-Терры. В центре карты был Колючий лес. Я узнал его по острым, рваным линиям, которые напоминали шипы. Именно туда указывал хобот Слона. Именно туда вела чёрная дорога. Я отшатнулся. Сердце колотилось в груди. В дверь постучали. Я вздрогнул. Стук был резким, настойчивым. Я подошёл и приоткрыл дверь.

На пороге стояла девушка. Её лицо было бледным, а глаза — бирюзовыми, как вода внизу. Я узнал её. Айя. Еретичка из клана Очистителей.

— Рен, — сказала она, и её голос был холодным, как лёд. — Твой учитель мёртв.

Мир покачнулся. Я схватился за дверной косяк, чтобы не упасть.

— Что ты сказала?

— Он умер час назад, — Айя смотрела на меня без жалости. — Его нашли у подножия Слона. Тело... оно растворилось. Осталась только горсть пепла и чёрные брызги.

Я вспомнил его слова. «Найди в моём столе шкатулку». «Не смотри на Слона слишком долго». И теперь он был мёртв.

— Зачем ты пришла? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Потому что ты — следующий, — ответила Айя. — И потому что я знаю, что ты видел. Ты видел карту на его шкуре. Ты знаешь, куда идти.

Я молчал. Она была права. Я знал.

— Что тебе нужно? — спросил я.

«— Мне нужно, чтобы ты взял меня с собой», — сказала она. — В Колючий лес. К Художнику.

Я посмотрел на неё. На её решительное лицо, на её бирюзовые глаза, на её сжатые кулаки. Она была готова.

— Хорошо, — сказал я. — Мы уходим на рассвете.

И в этот момент я понял, что моя жизнь картографа закончилась. Начиналась жизнь того, кто ищет правду.

Глава 2. Еретичка с бирюзовыми глазами

Рассвет в Аква-Терре был понятием условным. Солнце не поднималось — оно лишь чуть сильнее наливалось розовым, и мир становился чуть менее мрачным. Я стоял у городских ворот с мешком за плечами. В мешке были пергамент, перья, баночка с тушью — не чёрной, коричневой — и два ножа. Один для работы, второй для того, о чём я старался не думать. Айя ждала меня впереди. Она сидела на странном животном, похожем на ящерицу с длинной шеей и плоской головой. Скол. Я видел их раньше только издалека — на них ездили Очистители, и от них пахло серой и горячей чешуёй.

«— Ты опоздал, картограф», — сказала Айя, не оборачиваясь.

— Я не опоздал. Я пришёл ровно тогда, когда собирался.

Она усмехнулась. Краем глаза я заметил, как её пальцы нервно поглаживают шею скола. Она тоже боялась. Просто не показывала. Я забрался на скола. Седло было жёстким, из какой-то грубой кожи, и от него пахло дымом. Животное дёрнулось, но не сбросило меня.

— Куда мы едем? — спросил я.

— На юг. К Колючему лесу. — Айя тронула своего скола, и тот двинулся вперёд, покачиваясь на длинных ногах.

Мы выехали из ворот и двинулись по персиковым пескам. Чем дальше мы уходили от воды, тем сильнее воздух наполнялся запахом горелой краски. Я смотрел на Слона, который оставался позади. Его фигура становилась всё меньше, пока не превратилась в серую точку на фоне багрового неба. Мы ехали молча. Я украдкой разглядывал Айю. Она была не похожа на тех Очистителей, которых я видел в городе. Те были фанатиками с горящими глазами и руками, вечно сжимающими факелы. Айя была другой. В ней чувствовалась холодная, расчётливая решимость. Она не кричала о сожжении. Она просто... знала, что делать. Но было и что-то ещё. Иногда её плечи опускались, словно она несла невидимый груз. Иногда она смотрела на горизонт слишком долго, словно видела там что-то, чего не видел я.

— Расскажи мне о Наблюдателях, — попросил я, чтобы нарушить тишину.

Айя повернула голову. Её бирюзовые глаза блеснули в свете заката.

«— Они не боги», — сказала она. — Они — паразиты. Они питаются нашими эмоциями. Когда Слон переполнится, они соберут весь этот пепел и улетят в другое место. А мы останемся ни с чем.

— И как мы их остановим?

— Мы найдём Художника. И заставим его перестать рисовать. Или убьём его.

— А если он прав? — спросил я. — Если без него мир превратится в пустоту?

Айя посмотрела на меня долгим взглядом. В её глазах не было сомнения.

— А разве сейчас мы не в пустоте? — тихо спросила она. — Мы живём в вечном закате. Мы не знаем утра. Мы боимся своей тени. Может, пустота лучше, чем этот бесконечный кошмар?

Я не нашёлся, что ответить.

К вечеру мы сделали привал у одинокого валуна. Айя разожгла костёр и поставила на огонь котелок с водой. Вода отдавала железом. Я сделал глоток и поморщился.

— Привыкнешь, — сказала Айя, не глядя на меня.

— Я привык ещё в детстве. Но каждый раз... — я покачал головой. — Как будто пьёшь чью-то кровь.

— Может, так и есть. — Она помешала варево. — Говорят, вода помнит всё, что видела. Всех, кто её пил. Всех, кто в ней утонул.

— Ты веришь в это?

— Я верю в то, что вижу. — Она подняла на меня глаза. — А вижу я, что люди боятся. И что страх делает их жестокими.

Я молчал. Я смотрел на огонь. Пламя танцевало, и в его языках мне мерещились лица. Смотритель. Отец Айи. Художник. Все, кого я потерял. Все, кого я собирался спасти.

— Почему ты стала Очистителем? — спросил я.

Айя замерла.

«— Мой отец был Смотрителем», — сказала она. — Как твой учитель.

Я удивлённо поднял бровь.

— Смотрителем? Но Смотрители служат Слону. Они не жгут его.

— Он верил, что Слон — это святыня, которую нужно защищать. Он прожил всю жизнь, изучая его шкуру, записывая изменения. А потом... — она замолчала.

— Что потом?

— Он растворился, — Айя подняла на меня глаза. — Так же, как твой учитель. Он коснулся шкуры Слона, чтобы прочитать очередной знак, и чернила поглотили его. Я видела, как его тело покрывается серой коркой. Я видела, как он рассыпается в прах. Мне было четырнадцать.

Я молчал. Я не знал, что сказать.

— С тех пор я поняла, — продолжила Айя. — Слон — это не защитник. Это тюрьма. Мы сами построили её своими грехами. И пока мы не разрушим её, мы будем гнить внутри.

— Но если мы разрушим её, что останется?

— Мы, — сказала она. — Наконец-то мы.

Я смотрел на огонь.

— А что ты помнишь о нём? — тихо спросил я. — О своём отце?

Айя замолчала. Её рука с ложкой замерла над котелком.

«— Он пах морем и краской», — сказала она наконец. — Каждое утро он уходил на утёс — не тот, что у тебя, другой, на другой стороне города. Он сидел там часами, смотрел на Слона и что-то записывал в блокнот. Иногда он брал меня с собой. Он говорил, что однажды я увижу то, чего не видят другие. Что я пойму.

— И ты поняла?

— Нет, — она покачала головой. — Я поняла только, что он умер из-за своей одержимости. И что я не хочу умереть так же.

— Но ты рискуешь.

— Рискую, — согласилась она. — Но не из-за Слона. Из-за людей. Из-за тебя. Из-за всех, кто ещё может спастись.

Я посмотрел на неё. На её лицо, освещённое огнём. На её глаза, в которых отражались искры. И впервые за всё время я увидел в ней не еретичку, не фанатичку, не Очистителя. Я увидел человека. Испуганного. Уставшего. Но не сдавшегося.

— Ты знаешь, что сказал мой учитель перед смертью? — спросил я. — Он сказал найти шкатулку в его столе. Чёрную, с серой крышкой.

— И что в ней?

— Не знаю. Я не успел открыть.

Айя нахмурилась.

— Мы должны вернуться. Если там что-то важное...

— Нет, — я покачал головой. — Жрецы уже обыскали его дом. Но Смотритель знал, что умрёт. Он знал, что я приду. Значит, он оставил что-то ещё. Что-то, что жрецы не найдут.

— Что?

Я посмотрел на Слона.

— Не знаю. Но мы найдём.

Ночью я не мог уснуть. Я лежал на песке, укрывшись плащом, и смотрел на небо. Наблюдатели висели в фиолетовой вышине — зеленоватые сгустки, похожие на куски мха, оторванные от времени. Они не двигались. Они просто смотрели. Я думал о Тине. О девочке, которая верила, что я могу вылечить Слона. О её словах: «Ты же картограф. Ты всё знаешь». Я ничего не знал. Я умел только рисовать карты. Фиксировать изменения. Наблюдать. Но наблюдать — не значит понимать. А понимать — не значит спасать. Я достал пергамент и перо. В темноте рисовать было трудно, но я знал эти линии наизусть. Я нарисовал Слона. Его хобот, его раны, его пятна. А потом — то, чего не видел раньше. Свет. Маленький. Слабый. Где-то глубоко внутри. Утром мы продолжили путь. Колючий лес приближался. Я видел его вдалеке — чёрные, обугленные стволы, торчащие из земли, как острые шипы.

— Ты уверен, что нам туда? — спросила Айя.

— Карта ведёт туда, — ответил я. — И Художник ждёт нас.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что Смотритель знал. А он никогда не ошибался.

Глава 3. Знак на камне

Мы ехали по персиковым пескам уже второй день, и я начал замечать, что Слон меняется. Не только пятна — они ползли вниз, как и раньше, — но и что-то другое. Трудно было уловить. Что-то в том, как он стоял. Словно он стал чуть менее тяжёлым. Или мне казалось.

«— Ты опять смотришь на него», — сказала Айя.

— Я картограф. Я должен смотреть.

— Смотритель сказал не смотреть слишком долго.

Я отвёл взгляд. Слишком быстро, наверное. Айя усмехнулась, но ничего не сказала. Мы ехали вдоль русла пересохшей реки. Когда-то здесь была вода. Русло было широким, каменистым, и на дне ещё оставались лужицы, покрытые коркой соли. Я смотрел на камни. Привычка картографа: замечать детали. И одна деталь заставила меня натянуть повод.

— Стой.

На поверхности валуна был выцарапан знак. Маленький, едва заметный. Круг с точкой внутри.

— Что это? — Айя подошла следом.

— Знак Смотрителя. Он ставил его на картах — там, где нужно остановиться. Где что-то важное.

Я провёл пальцами по камню. Царапины были свежими — не больше недели. Смотритель был здесь. Перед смертью. Я обошёл валун. С обратной стороны, у самой земли, был ещё один знак — стрела, указывающая на юго-восток. В сторону Колючего леса. Но не прямо. С отклонением.

«— Он что-то спрятал», — сказал я. — По пути.

Мы свернули с русла и поехали на юго-восток. К полудню нашли второй знак — на плоском камне у входа в узкое ущелье. Стрела указывала вниз. Я вошёл в ущелье. Стены были отвесными, из тёмного базальта, и в них были трещины. Я провёл рукой по одной из них и почувствовал, что камень поддаётся. Не скала — глиняная замазка. Кто-то заделал трещину. Я достал нож и начал ковырять. Замазка отваливалась кусками. За ней была пустота. Я просунул руку и нащупал что-то холодное. Металл. Шкатулка. Я вытащил её. Чёрная, с серой крышкой. Та самая.

— Он оставил её здесь, — прошептал я. — Знал, что я приду.

Я открыл. Внутри лежали три вещи: обломок кисти — ворс был покрыт высохшей серой краской; сложенный лист пергамента; и маленький камень, гладкий, отполированный, с выцарапанным символом — круг с точкой внутри. Я взял пергамент. Развернул. На нём был рисунок — карта. Более подробная, чем та, что я составил. С пометками на полях, сделанными рукой Смотрителя.

«Рен. Если ты читаешь это, значит, я был прав. Ты пошёл. Хорошо. Кисть — не оружие. Это ключ. Но ключ открывает дверь, а что за дверью — зависит от тебя. Художник не враг. Он такой же, как мы. Он боится. Он устал. Он ждёт. Найди его. Но не убивай. И не становись им. Стань чем-то другим. Помни: вода очищает, но забирает. Не отдавай всё. Оставь что-то для себя. Иначе ты забудешь, зачем ты здесь. И ещё одно. Наблюдатели не всесильны. Они боятся одного. Ты поймёшь, чего. Береги Айю. Она важнее, чем ты думаешь. Твой учитель.» Я прочитал дважды. Потом передал Айе. Она прочитала молча, и её лицо менялось — от напряжения к удивлению, потом к печали.

— Он знал, — тихо сказала она. — Он знал, что умрёт.

— Он знал многое, — я взял обломок кисти. Тёплый. Живой. — И он хотел, чтобы мы знали.

— Что значит «Наблюдатели боятся одного»?

— Не знаю. — Я покачал головой. — Но он не стал бы писать это просто так.

Я посмотрел на карту. На ней были пометки — не только путь к Художнику, но и другие места. Колючий лес. Изумрудная вода. Что-то ещё, на самом краю, обозначенное знаком вопроса.

— Что это? — Айя указала на знак вопроса.

— Не знаю. Но Смотритель хотел, чтобы мы это нашли.

Мы вышли из ущелья и продолжили путь. Я чувствовал, как что-то изменилось. Не в мире — во мне. Смотритель оставил мне не просто карту и кисть. Он оставил мне выбор.

— Рен, — Айя догнала меня. — Ты в порядке?

— Да. — Я посмотрел на неё. — Просто... он знал, что умрёт. И он не сказал мне. Не попрощался.

— Может быть, он не хотел, чтобы ты видел его смерть.

— Может быть. — Я вздохнул. — Но я всё равно видел.

Айя молчала. Потом взяла меня за руку. Её пальцы были холодными, но крепкими.

— Он оставил тебе послание. Это больше, чем многие получают.

Я посмотрел на неё. На её бирюзовые глаза. На её лицо, освещённое закатом.

— Спасибо, — сказал я.

К закату мы достигли границы Колючего леса. Чёрные стволы торчали из земли, как обугленные пальцы. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом горелой краски и старой тоски.

— Ты готов? — Айя посмотрела на меня.

— Нет, — честно ответил я. — Но это не имеет значения.

Мы вошли в лес. И лес ответил. Голоса. Шёпот. Не слова — звуки. Словно кто-то плакал где-то глубоко под землёй. Словно кто-то смеялся. Словно кто-то ждал. Я достал обломок кисти. Он был тёплым. Живым. И в его ворсе что-то пульсировало. Свет. Маленький. Слабый. Но он был. Мы двинулись вглубь леса.

Глава 4. Чёрные ручьи

Лес не был похож ни на что, что я видел раньше. Чёрные стволы, покрытые серой коркой, стояли так плотно, что казалось, будто они дышат. Ветви сплетались над головой, образуя свод, сквозь который не пробивался свет. И тишина. Не просто отсутствие звука — тишина, которая давила на уши, как вода на глубине. Мы шли уже час, и за это время не встретили ни одного живого существа.

«— Здесь что-то не так», — сказала Айя.

— Здесь всё не так, — ответил я. — Но мы должны идти.

Я держал обломок кисти в руке. Он был тёплым — единственное тёплое, что было в этом лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.